

А.В.Луныков¹, А.В.Харинский¹, В.В.Белоненко², Д.Эрдэнэбаатар³

¹Иркутский государственный технический университет, Россия

E-mail: lunkov@sibarchcenter.ru ; kharinsky@istu.edu

²Музей истории города Иркутска, Россия

³Улан-Баторский государственный университет, Монголия

E-mail: ediimaajav@yahoo.com

КОСОГОЛЬСКИЙ ОСТРОГ

Вторжение русских в Восточную Сибирь в середине XVII в. совпало по времени с расширением Маньчжурского государства, подчинившего Китай и активно стремившегося закрепиться в Центральной Азии. Почувствовав реальную военную силу Руси, главы отдельных родовых групп и их объединений, расселенных в регионе, объявляли о принятии русского подданства и начинали выплачивать ясак. Объясаченные народы автоматически признавались подданными Руси, что обеспечивало им военную защиту; переход на чужую сторону прощался при условии возвращения в прежнее положение ясачных (Никитин, 1980). Неудивительно, что именно во второй половине XVII в., когда шла ожесточенная борьба за сферы влияния в Центральной Азии, становятся обычным просьбы сибирских «князцов» о постройке русскими острогов для их защиты — на Тубе, Абакане, Ойе, Иркуте.

Особую роль в центральноазиатской геополитике Русского государства играло озеро Хубсугул и Тункинская долина. В 1673 г. драгунского строя капитан Степан Васильевич Поляков доносил из Селенгинска: «...а то-де озеро, Косогор зело велико, и около того озера живут люди сидячие и кочевные баргуты и тувинцы и тунгусы, и по их иноземской сказке будет луков сот с пять и больши. А селенгинских служилых людей малолюдство, и тех неясачных людей Великим Государям в ясачной платеж и в вечное холопство привести не мочно, потому что те люди стали за мунгальскими людьми, а с мунгальских тайшей и с их улусных людей ясачнаго платежу потому ж не чаю, что мунгальских розных тайшей и их улусных людей многолюдство, и ясак платят те мунгальские люди своим мунгальским ханом и тайшам» (ААН, ф.21).

Тункинская долина играла важную роль в торговле Прибайкалья с Центральной Азией. По Тунке к Иркутску проходили караваны бухар-

цев, в которых одних только вьючных верблюдов было до двух с половиной сотен. С усилением политического давления империи Цинь на монгольские ханства Тункинская долина становится коридором, по которому на территории, контролируемые русскими, бегут «под государеву руку» монголы, тувинцы и сойоты. В 1688 г. тункинский приказчик иркутский сын боярский Астафий Перфирьев писал: «...вышли из мунгал трое братцких людей Тураева роду Тураев сын Окинчей да Уланай, Конгодарского роду Аянгу. А за ясак принесли де с себя в казну великих государей Тураев сын Окинчей да Уланай по китайке лазоревой, да оне ж де братцкие люди Окинчей с товарищи били челом великим государем, чтоб их отпустить ис Тункинского в Мунгалы по жен и по детей...» (РГАДА, ф. 1121) .

Также по Тунке на русские владения в Сибири совершали набеги тайши и нойоны, пытающиеся сохранить относительную независимость от маньчжур. На карте С.У. Ремезова против рисунка с подписью «острог Тункинской ясак собирают с тунгусов» у р. Зонмури (совр. Зун-Мурин) написано: «по ней из степи подбьезжают воровские мунгальские люди чрез камень» (Чертежная книга...). Обороняться от монгольских нападений русским и бурятским жителям приходилось совместно. Недавние перебежчики из Монголии старались демонстрировать свою лояльность Русскому государству: «...стреляли де они брацкие люди Номолот и Олонтой тех мунгалских людей из саадаков, и только б де не они брацкие люди им Сергешке, Исачку с товарищи пособили, и те б де мунгалские люди их Сергешку, Исачку с товарищи всех до одного человека сами побили. И видя де на бою те мунгалские люди свою несправу, и побежали в табун и почали лошадей хватать; и они де Номолот и Олонтой с товарищем тех мунгалских людей к табуну не припустили и от табуна их отбили и истреляли»... «Безпрестанно мне ясашные брац-

кие люди и тунгусы докучают, что де им брацким людем и тунгусам от мугалских и соецких людей житья нет, ясаку промышлять не дают, на промыслах их брацких людей и тунгусов побивают, и лошади с промыслу, которые ясашные люди на лошадях ясак промышляют, и из под улусов отгоняют, чтоб великие государи пожаловали их, велели им брацким людем и тунгусам дати русских людей казаков в помощь, чтоб де им брацким людем и тунгусам идти на тех мугалских людей и на соетов в поход». Между тем, русская администрация к подобным акциям относится осторожно, боясь спровоцировать эскалацию пограничного конфликта: «...братцких людей на мунгал войною отнюдь не отпущать и разговаривать их ласкою и приветом всячески и обнадеживать их государевым жалованьем, чтоб они без указу великих государей с крайними немирными людьми ссоры никакой не чинили... И жить бы тебе в Тункинском от приходу неприятельских воинских людей с великим оберегательством и над караулы беспрестанно самому надсматривать днем и ночью неоплошно» (ДАИ, т. XI).

Тункинская крепостица, построенная в 1676 г., представляла собой сооружение, составленное из двух изб под башнями и двориком между ними. В 1685 г. казачий гарнизон острога из сорока трех человек выдержал месячную осаду большого (по некоторым источникам — в 10 000 всадников) войска Цэцэн-нойона (Кочедамов, 1978). Защитники отбили трехдневный ожесточенный штурм, потеряли троих убитыми и шестерых пленными, ходили на вылазки, но острог отстояли. Иркутский воевода Л.К. Кислянский спешно вооружил иркутских посадских и крестьян и с отрядом в 120 человек отправился на помощь тункинским казакам. Цэцэн-нойон, узнав о приближении иркутян, снял осаду. Всех участников обороны Тункинского острога наградили отрезами кумача, а Л.К. Кислянского — серебряным ковшом, соболями и китайскими тканями (Шахеров, 2001).

Постоянная угроза южным рубежам азиатских владений России приводит к созданию в первой четверти XVIII в. в Сибири линии укреплений. Строятся Чаусский, Бердский, Белоярский, Бийский, новый Ямышевский, Омский, Железинский и Семипалатинский остроги, укрепляются старые крепости. В 1706 г. перестроен Тункинский острог. В 1716 г. на берегу озера Косогол

(Хубсугул) боярскими детьми Никитой Богдановым и Федором Кочетовым с казаками построен новый русский острог, получивший название Косогольский. Сибирский губернатор кн. М.П. Гагарин докладывал Петру I 16.03.1717: «... тако ж, великий государь, и на Косоголе-озере крепость делать из Ркуцкого велел» (Русско-китайские отношения..., 1978). К сожалению, нам пока не известны ни состав острожного гарнизона, ни имена приказчиков. Достоверно одно — после постройки Косогольского острога через Тункинскую долину фактически прекращаются как набеги монголов, так и побеги ясачных. Однако через 5 лет по требованию цинского императора Сюань Е (Канси) Косогольский острог был снесен. Гарнизон был выведен, крепость сожжена (Русско-китайские отношения..., 1990: 574-575). А еще через 6 лет была проведена российско-китайская граница, и продвижение русских на юг прекратилось. В противовес русскому острогу на юге Хубсугула в 1727 г. как форпост маньчжур, препятствующий продвижению России на этом направлении, был основан населенный пункт Хатгал. Через Ханх и Хатгал проходил зимний чайный путь. На подводах по замерзшему льду озера перевозили из Китая на ярмарку в Иркутск тюки с китайским чаем.

В отличие от других сибирских острогов, место, где располагался Косогольский острог, не подверглось застройке. Его остатки обнаружены А.В. Харинским и С.В. Снопковым во время разведки на северо-восточном берегу озера Хубсугул, проводившейся в 2007 г. совместной Российско-Монгольской археолого-этнографической экспедицией (Kharinsky, 2009). Острог располагался на высоте около 1732-1733 м от уровня Мирового океана (87-88 м над уровнем озера), на северо-западной оконечности пос. Ханх (Турт) (рис. 1).

С четырех сторон остатки острога оконтурены «рвами» шириной 1 м. Восточный «ров» ориентирован по азимуту 5°, южный — 275°, западный — 5°, северный — 275°. Длина «рвов» по 39 м. С внешней стороны «рвов» имеется наброс камней. Восточный «ров», в отличие от остальных, имеет в средней части проход шириной 4,5 м, который разделяет его на два участка: длиной 12 м и 11 м.

По углам острога фиксируются основания башен, возвышающиеся примерно на 0,5 м. Их диаметр около 9 м. К северо-западной баш-

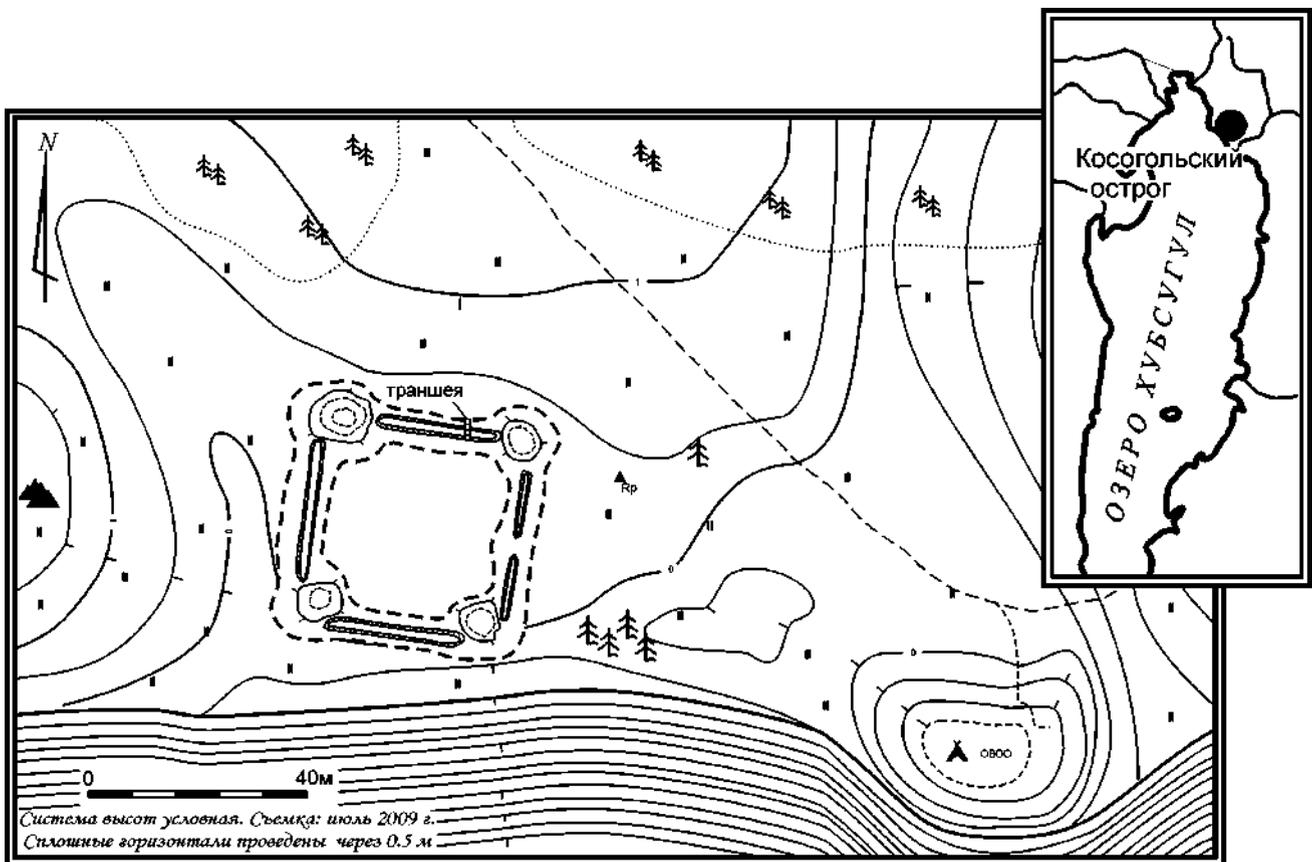

Рис. 1. План расположения Косогольского острога

Fig. 1. The plan of an arrangement of the Kosogolsky fort

не (N 51° 30' 55,9»; E 100° 38' 39,1») «рвы» подходят вплотную. Северо-восточная башня (N 51° 30' 55,7»; E 100° 38' 41,1») смещена несколько наружу относительно рвов. Между ней и северным краем восточного «рва» расстояние 5 м. Восточный край северного «рва» примыкает к ее южной части вплотную. Юго-восточная (N 51° 30' 54,5»; E 100° 38' 40,9») и юго-западная (N 51° 30' 54,7»; E 100° 38' 39,0») башни вдаются внутрь городища. Основание башен прокалено. У юго-западной из них прослеживаются остатки углей.

Для выяснения конструкции фортификационных сооружений острога поперек его северного «рва» заложена траншея размерами 1x4 м, длинными стенками ориентированная строго по линии север-юг (рис. 2). В районе траншеи зафиксирована следующая стратиграфическая ситуация (сверху вниз):

1. Современный дерново-почвенный горизонт — бурая, слегка гумусированная супесь

плотно насыщенная крупнообломочным материалом и плитняком, мощность слоя от 0,05 до 0,10 м.

2. Красновато-бурый средний суглинок с продуктами разложения коры выветривания и плитняком, мощность от 0,5 до 0,6 м.

3. Скальное основание, материковые породы.

В месте заложения траншеи «рва» на современной поверхности земли практически не был заметен. Вероятно, это произошло вследствие его заполнения рыхлыми отложениями в результате сползания последних по микросклону с перепадами высот от 0 до 20 см.

Во время раскопок в траншее обнаружено скопление каменных плит. Их наибольшая концентрация наблюдалась во «рву» и с его внешней стороны. Снаружи «рва» плиты располагались на древней поверхности. Какой-либо определенной последовательности в укладке плитняка не выявлено, плиты беспорядочно навалены друг на дру-

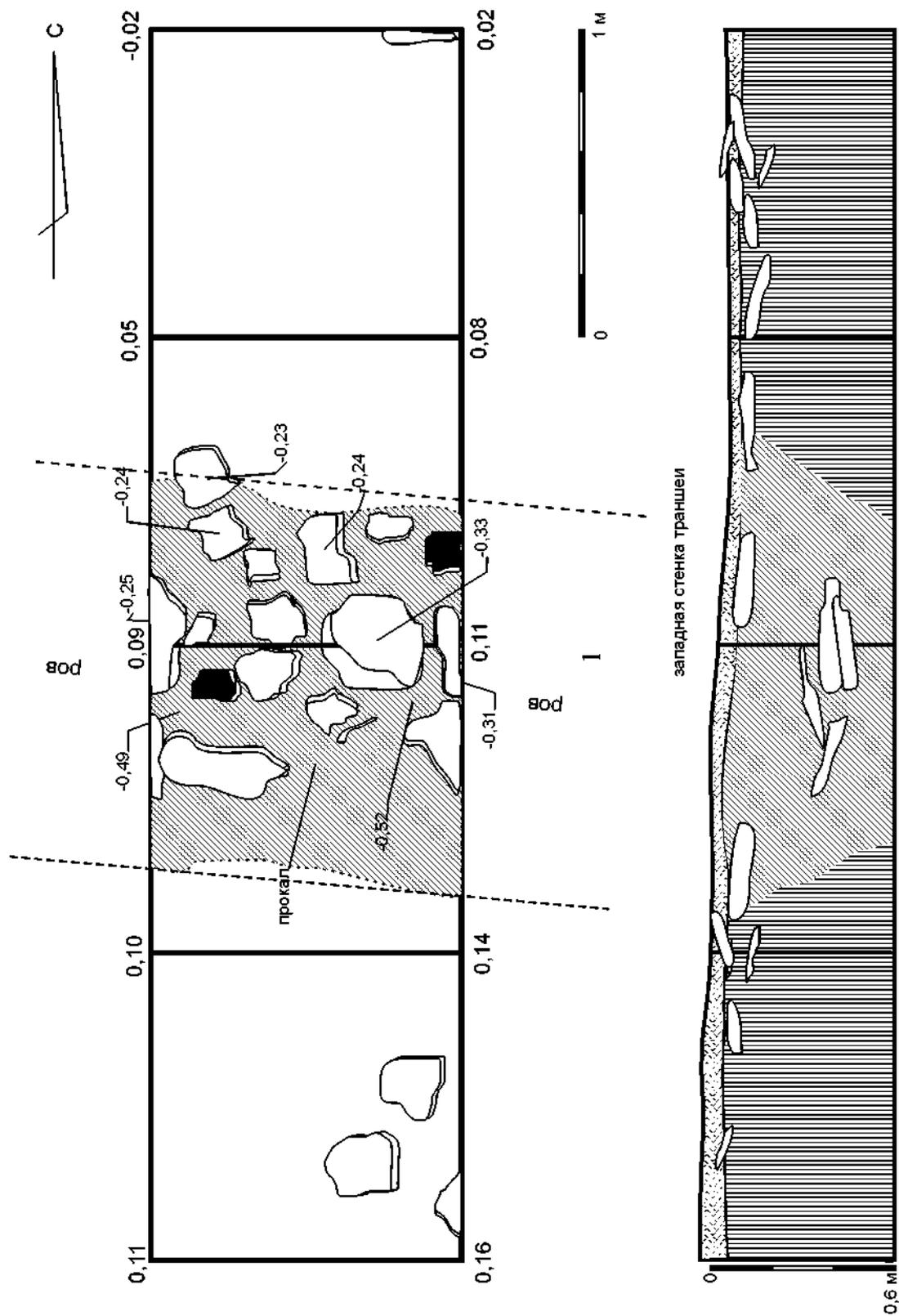

Рис. 2. Косогольский острог, траншея: 1 — нижний уровень траншеи; 2 — стратиграфический разрез западной стенки

Fig. 2. The Kosogolsky fort, a trench: 1 — the bottom level of a trench; 2 — stratigraphic section of the western wall

га. В ходе дальнейшей расчистки, на глубине 0,20-0,25 м от поверхности земли концентрация плитняка в северной части траншеи уменьшилась. На глубине 0,05-0,10 м от современной поверхности земли, в подошве дерново-почвенного горизонта, в месте пересечения траншеей «рва», отчетливо фиксировалось пятно прокала, уходящее в западную и восточную стенку траншеи. Ширина пятна 1,6 м. Пятно выделялось характерным красно-коричневым оттенком на буром фоне. Далее, на глубине 0,40-0,45 м, обнаружен еще один очаг концентрации крупных каменных плит, так же как и в первом случае бессистемно наваленных друг на друга и, вероятно, служивших забутовкой основания деревянной конструкции, впоследствии полностью сгоревшей. Следует отметить, что остатков древесины, а также древесного угля или зольных пятен в траншее не зафиксировано. Также на стенках траншеи не удалось зафиксировать характерные контуры разреза искусственной выемки — «рва». Это объясняется наличием следов мощного прокала, окрасившего в оранжевый цвет рыхлые отложения на глубину 0,52 м, вплоть до скального основания. Следы прокала зафиксированы на обоих продольных стенках траншеи. Они, вероятно, повторяют поперечную форму «рва», что обусловлено более интенсивной окраской рыхлых отложений, заполняющих его, под воздействием высоких температур. Прокал имеет форму усеченного конуса, обращенного вершиной вниз. Ширина его верхней части 1,5 м, нижней — 0,8 м. Скорее всего, в функциональном отношении исследованное нами сооружение является канавой, в которую было установлено и забутовано основание впоследствии сгоревшего частокола или заплота.

Размеры остатков Косогольского острога (40х40 м) вполне сопоставимы со многими известными острогами Сибири — к примеру, Ляпинским (30х40 м), Казымским (50х40 м), Итанцинским (54х43 м). Четырехбашенная конструкция с воротами в стене также вполне характерна для ряда крепостей Сибири (Огурцов, 1986). В то же время остается невыясненным, почему в траншее не было выявлено остатков крепостных сооружений. По мнению Р.А. Артемьева, после Албазинской осады русские убедились в неэффективности тыновой ограды против маньчжурских пушек и перестраивали (и строили новые) крепости в виде дерево-земляных укреплений,

«китай-городов» и «бастей», т.е. бастионов, в том числе с использованием плетней (как впоследствии для сооружения редутов и апрошей) (Артемьев, 1998). Уже к концу XVII в. многие сибирские остроги, как правило, рубились в заплот, с засыпкой стен хрящом — землей и щебнем. Также объяснимо и отсутствие следов каких-либо построек как внутри крепости, так и вне ее. Традиционно острожные башни использовались и как казармы, и как приказные избы — тем более, для небольших временных гарнизонов (Кирпичников, 1978: 476). Впрочем, для детального выяснения вопроса о подлинных размерах и конструкции угловых бастионов (башен) необходимы дальнейшие раскопки.

Summary

The article is represent some information about building in 1716 on the bank of lake Kosogol (Khovsgol) in northern Mongolia the new Russian fort, received the name Kosogolsky. Also authors consider the political and social reasons which have led to creation a line of strengthening in Siberia on southern boundaries of Russia Asian possession in the first quarter of XVIII century.

The remains of the Kosogolsky fort which existed of 5 years and has been destroyed on demand Qing emperor Kangxi, are found by A.V.Kharinsky and S.V.Snopkov in 2007 during investigation on northeast coast of lake Khovsgol (Kharinsky, 2009). Authors give the description planigraphic structures of the Kosogolsky fort and characteristics of fortification construction of fort, on the basis of the results received at excavation.

Литература

- ААН, ф. 21, оп. 4, № 17, лл. 75 об. — 76, № 61.
 Артемьев А.Р. Строительство городов и острогов Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII-XVIII веке и типы оборонительных сооружений // Отеч. история. М., 1998. N 5. С. 140-147.
 ДАИ, т. XI, № 86, стр. 231 — 235.
 кирпичников А.Н. Крепости бастионного типа в средневековой России // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1978. Л., 1979. С.471-499.
 кочедамов В.И. Первые русские города Си-

бири. М., 1978. С.133-141

Никитин Н.И. Военнослужилые люди и освоение Сибири в XVII веке // История СССР. 1980. №2. С.53-76.

Огурцов А.В. Типологическая классификация русских укреплений в конце XVII в. — середине XVIII в. // Проблемы охраны и освоения культурно-исторических ландшафтов Сибири. Новосибирск, 1986. С.129-138.

РГАДА, ф. 1121 — Иркутская приказная изба, столб. 128, лл. 16 — 17. Черновик.

Русско-китайские отношения в XVIII веке (РкО) // Материалы и документы. Т.1. 1700-1725. М., 1978, № 138.

Русско-китайские отношения, Т. 2, 1990. С. 574-575.

Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 году. Спб., 1882.

Шахеров В.п. Форпост в Прибайкалье (внешнеполитический аспект становления Иркутского острога) // Земля Иркутская. 2001. № 16. С. 2-8.

Kharinsky A. V. Archelogikal Stady on Khankh Sum, Khovsgol Province 2008 year // Estern Mongolia and Nothern Culture: 2nd International Conference. Ulanbaatar, 2009. P.94-104